

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
Общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
Издательское республиканское унитарное предприятие «Мастацкая літаратура»

Главный редактор
Наталия Николаевна КОСТЮЧЕНКО

Редакционная коллегия:

Владимир Андриевич, Алесь Бадак,
Виктор Васильев, Мария Воинова-Стреха, Вадим Гизин,
Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко,
Михаил Поздняков, Елена Попова (председатель),
Олег Пушкин, Николай Чергинец,
Наталя Шарангович, Виктор Шнип

Адрес редакции

Юридический адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: mail@mastlit.by

Почтовый адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: nemanmag@gmail.com

Телефон: 270-84-65

Подписные индексы:

74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 11 от 19.07.2021,
выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель

Издательское республиканское унитарное предприятие «Мастацкая літаратура»

Технический редактор, компьютерная верстка, дизайн: Н. А. Артёмова

Стильредактор: О. В. Козлова

Подписано в печать 10.08.2023. Формат 70 × 108 $\frac{1}{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 10,02. Тираж 580. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция только сообщает автору свое решение.

Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

© Министерство информации Республики Беларусь, 2023
© ОО «Союз писателей Беларуси», 2023
© УП «Мастацкая літаратура», 2023

Татьяна ЛЕЙКО

ДУША МОЯ — ОСЕНЬ...

* * *

Кто поглядит в мои глаза?
Быть может, только ночь.
Куда падет моя слеза?
Должно быть, только в ночь.

А эта ночь горит огнем —
и пусть огнем горит.
Давай ушедших помянем —
о них душа болит.

Мы скоро сами перейдем
границу и межу.
И мы не встретимся с тобой,
и будет ближе нам любой
родной... чужой... другой.

* * *

Г. А.

Поговорим? Поговорим.
О чем же? Вот вопрос.
Ты — одинокий пилигрим,
мой друг великоросс.

Ты возрождаешь города,
и форты, и дворцы.
Горит поэзии звезда,
сияют строф венцы.

Алесь КОМАРОВСКИЙ

УДАР ЗОЛОТОЙ БУТСЫ

Повесть

Сердце, кажется, выбивало один ритм: «Забить, забить!» Разгоряченный, закрытый двумя защитниками, которые сторожили каждое его движение, каждый рывок, Вадик не раз пытался прорваться сам, на скорости финтами обмануть соперников, выйти на ударную позицию и с силой запустить ногой мяч в левую или правую «девятку» — в те верхние углы ворот, где вратарю тяжелее всего вытащить мяч. Хотя бы кончиками пальцев отвести угрозу, отбить пятнистый шар на угловой... Прямоугольник электронного табло высвечивал два нуля. Шла девяностая минута игры. Ну, добавит судья, минуты еще три-четыре к основному времени, но это какие-то мгновения, которые пролетят быстро, и свисток известит: ничья. Сопернику это выгодно: даже одно очко выведет его на первое место. Поэтому и играли они от защиты, а во втором тайме, полностью отдав центр поля, отбивались как попало, безрадостно, все чаще запуская мяч за боковые линии.

Вадик видел, как тренер правой рукой начал выписывать дугу, тем самым показывая, что нужно навешивать мяч в штрафную, на ворота. В этом сумбуре могло быть все: и срезка мяча в свою сетку, и нарушение правил при защите, и — в неразберихе — удар головой нападающих... Четыре минуты добавленного времени бежали в строчке табло, а круг электронного циферблата неумолимо отсчитывал секунды. Вся команда подтянулась к штрафной, только два стоппера остались в защите, а точнее — в центре поля, сторожа одинокого нападающего соперников. Вадик вырывался из толпы защитников на свободное место, смело шел на высокие мячи и один раз был так близко к завершению атаки! Но в последнее мгновение рука вратаря опередила его голову, скользнув перчаткой по чуприне...

Столица внимательно наблюдала за поединком двух грандов — лучших футбольных команд, большинство игроков которых составляли костяк национальной сборной. Те, кто не смог попасть на стадион, сидели дома у телевизоров, сжав кулаки от волнения. Молодые теснились в спорт-барах, громко выкрикивая, будто их могли услышать футболисты, отчаянные подсказки: «Бей, бей!», «Отдай направо, ну!», «Сам, иди сам!». Столица замерла в ожидании конца этой непредсказуемой и тяжелой схватки, застыла с надеждой победы, выигрыша, хотя бы одного мяча на последних минутах... Вадик, отбив

чью-то руку, которая держала сзади его футболку, рванул на угол вратарской линии, взлетел над защитниками и, увидев пустой угол ворот, пробил головой мяч туда...

* * *

Круглые лампы на потолке, словно яркие софиты в телестудии, почти ослепили, заставили зажмурить глаза. Вадик напрягал память, силился догадаться, где он. Нет, это был не выпуск «Спортклуба», где он после окончания сезона давал интервью. Сильные руки переложили его с каталки на стол, крепкие ремни в нескольких местах пережали тело, на них защелкнулись замки. Он чувствовал, что теперь не сможет вырваться из синих перчаток этого высокого мужчины в белом халате и колпаке на голове. «Операционная!» — как из провала, молнией блеснула мысль. Только почему? Что случилось? Чувствовал, как один ремень ослабили, приподняли и, посадив, наклонили вперед. Кажется, представлял, как острая игла шприца входит в позвоночник, пускает в канал спинного мозга какую-то жидкость... Тело внизу начинает деревенеть, ноги наливаются тяжелым жаром. Вадик пробует пошевелить одной стопой, второй, но они не слушаются. Наверное, заморозка сильная, разлилась по бедрам и икрам, надежно заблокировала вены и капилляры. Снова ремень защелкивается и зажимает грудь. Ему хочется крикнуть, позвать на помощь, но голоса нет, он пропал или тоже заморозился. Вадик видит у помощника хирурга пилку-болгарку, а у высокого мужчины в правой руке — скальпель. «Будут резать! — мелькает мысль. — Только что?» И как ответ — взгляд черных глаз медсестры с белой повязкой на лице. «Левую ногу... Почему ее? Что с ней? Она же здоровая! Правда, битая не один раз, но теперь не больная, живая, толчковая... Это она, левая, колотила в ворота такие мячи, с подрезкой, с подкруткой, сходу, что дрожали лучшие голкиперы, а защитники соперника старались пробить бутсой по ней, левой. Щиток оберегал ее от царапин и синяков, почти до колена защищала гетра... А теперь что, ее отрежут?» Круглые лампы на потолке вдруг начали превращаться в футбольные мячи и медленно опускаться вниз...

Вадик, чувствуя, что скальпель вот-вот войдет в ногу, сильно рванулся, порвал ремни... И проснулся. Холодный пот выступил на лбу, но учащенные удары сердца начали успокаиваться. «Это же надо такому присниться! — с облегчением подумал, вытерев пот полотенцем. — Спасибо, Господи, что это во сне...»

* * *

Футбольный сезон закончился, и казалось, можно перевести дух, расслабиться, как сказал один знакомый — размагнититься. Ребята получили хорошие премиальные и, конечно же, просматривая карту мира, шепчут законные маршруты: Кипр, Египет, Мальдивы, Канары... Куда рванут на отпущенный месяц отпуска, чтобы отлежаться на песке морских пляжей? Шик дорогих гостиниц, музыка и экзотические угощения, интересные путешествия и экскурсии... Может быть, это и будет просветом в тяжелых тренировках, одно-

образных буднях, в борьбе за каждую строчку турнирной таблицы... Может... Но только не для него, Вадика Ясинского. С долей правды пошутил его друг, лучший полузащитник Володя Малянский: «Зачем мне Канары, когда есть свои канавы?..» Так оно, видно, и есть. Поехать в родную деревню, в дорогой сердцу уголок, где прошло детство, где каждая тропинка уводит в воспоминания. И, самое главное, — родные люди, среди которых подрастал, учился, с кого-то брал пример. Это они, как и родители, многое подсказывали, рассказывали, а случалось, и стыдили за провинности...

Закончился сезон, но в душе не было успокоения. Что-то бредило и тревожило мысли Вадика. Он сидел на скамейке в пристадионном скверике, смотрел на бронзовую фигуру футболиста с мячом в ногах и думал: «Сколько лет длится карьера профессионального игрока? Лет десять, пятнадцать? В тридцать пять придет опыт, игровая мудрость, но молодецкая сила, юношеский задор начнут слабеть, а желание сражаться за каждый мяч отойдет в частых футбольных баталиях. Для этого нужна сильнейшая мотивация или принудительный, самосознательный приказ: отдать игре все силы без остатка, до последней капли, как говорится, выложиться на все сто. Правда, бывает, что некоторые держатся в командах и до сорока...» Вадика приходилось играть против таких. Уступая в беге, в прыжках за верховые мячи, они старались брать грубостью, толчками, даже удерживали за футболку... Что-то, незамеченное, сходило им с рук, но в большинстве наказывалось желтой карточкой — «горчичником», или красной — удалением.

А если тяжелая травма, после которой футбольная карьера обрывается? Что тогда? Хуже, если кто-то не учился, не получал профессию. Все нужно начинать с нуля. Жизнь жестокая. Ее удары не каждый выдержит.

Вадик раньше не задумывался над этим, просто играл в футбол, радовался и переживал. Но, видно, есть какая-то черта, переступив которую, начинаешь задумываться: как жить дальше?

* * *

Звонок мобильного был неожиданным:

— День добжи, пан Вадим! Вас непокоить Юзаф Павловский, агент варшавской «Магии». Я хотел бы спаткаться з вами.

Вадик сразу почувствовал себя неловко: видно, кто-то из друзей разыгрывает. Но акцент был явно польский.

— Откуда у вас номер моего телефона?

— Прошу пробачить меня, но у наш час это не проблема. Я пшизнаюсь вам при спотканни.

— Вы наш стадион знаете?

— Был на им, и не раз.

— У входа есть скверик. Я буду с большой сумкой ждать вас на скамейке.

— Добже, через минут десять.

Вадик почувствовал, как волнение заполняет сердце: что хочет агент лучшего клуба Польши? Позвать к себе? Возможно. А родное «Динамо»? А что «Динамо»? Оно поднялось, выросли и возмужали дублеры. Они дышат в спину, будто подталкивают: пора и нас пускать в основу. «Так и мы, молодые, когда-то думали...» — вспомнил он.

Елизавета ПОЛЕЕС
ПОД ЛИВНЕМ
ЗВЕЗДНЫМ...

ЛЮБЛЮ Я КУЧЕВЫЕ ОБЛАКА

Люблю я кучевые облака,
Они имеют столько очертаний:
Вот с гривой конь, вот длинная река,
Вот замков цепь, еще каких-то зданий...

Люблю я кучевые облака,
Они плывут неслышно и неспешно,
Плывут из близости и издалека
Над этой, над безумною, над грешной,

Омытою и кровью, и дождем,
Окутанною гарью, пылью, дымом,
Над обожженной серой и огнем,
Землей, такой желанной и любимой,

Над битым камнем, над горящим пнем,
Над сором, над невыкошенным полем.
Над будущим и над ушедшим днем,
Над радостью, над горечью, над болью...

Люблю я кучевые облака...

* * *

«— Ты за кого: за Луну или за Солнце?
— Ах, за солнце? Значит, за японца?!»

Из детских забав

Помню, помню с детства прибаутку —
Ну, такую глупенькую шутку:

— За кого ты: за Луну иль Солнце? —
Девочка смеялась за оконцем.

За кого? Как тут не ошибиться?..
И летят на юг под небом птицы,
И плывут на север караваны...
Как ответить, никого не ранив?

Как любить, но так, чтоб всех на свете,
Чтоб не погибали в мире дети?
Подарить кому тепло, внимание,
Чтоб не разрушались в мире зданья,

Чтоб не портить города и села,
Чтобы быть всем добрым и веселым?
Как ответить? Всюду люди, лица...
К небу обратиться? Помолиться?

Связаны порукой круговую,
Все живем мы под одной луною...
Чтоб совсем не пасть, не лечь на донце,
Обнимаю — и Луну, и Солнце...

* * *

Как же жить, водой загашенным,
Золотому огоньку?
Как мне жить, такой безбашенной, —
Слившей радость и тоску.

Как мне жить, такой заласканной,
Зацелованной бедой?
Как проститься с нежной сказкою,
Мне нашептанной тобой?

* * *

Ты все же, кажется, любил
меня когда-то.
А если не хватило сил,
кто виноват в том?

Да, впрочем, что нам в той вине?
И плакать поздно...
Постой со мною в тишине
под ливнем звездным...

Антон ЧИЖЕВСКИЙ,
Елена ЧИЖЕВСКАЯ

ЗАПИСКИ ДВОРЯНИНА ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ

Документальная повесть¹

НАЧАЛО ОТРОЧЕСТВА

...После смерти деда в 1895 году его большая семья постепенно стала распадаться. Еще ранее отделился мой отец, затем все его братья и сестры тоже разъехались кто куда. К 1900 году в Лашнёвском хуторе остались только бабушка с дочерью Паулиной. Вести хозяйство на двадцати восьми десятинах земли бабушка, конечно, не могла и потому предложила моему отцу поселиться на дедовском хуторе и пользоваться землей на условиях уплаты очередных взносов по госкредиту, взятому при покупке этой земли. Так, спустя восемь лет после ухода из большой семьи деда отцу представилась возможность вернуться на его хозяйство. Еще через несколько месяцев, после замужества сестры Паулины и переезда бабушки к ней, отец остался единственным хозяином на хуторе, хотя только на правах арендатора.

Весной 1900 года отец с частью семьи переехал на жительство с хутора Выдря на хутор Лашнёво. Временно, до полной ликвидации хозяйства в Выдрее, там были оставлены сторожами 15-летний брат Николай и я, имевший в ту пору за плечами уже целых шесть лет. Более ценные работники были нужны в самом Лашнёве для обустройства жизни на новом месте.

Весна и часть лета 1900 года, которые мы провели вместе с Николаем в Выдрее, хорошо сохранились в моей памяти. Это было абсолютно свободное, вернее, беспризорное существование. Спали мы в сарае на сене. Похлебку себе варили под открытым небом и тут же с превеликим аппетитом ее съедали. Нам была оставлена одна корова, чтобы мы могли иметь свежие молочные

¹ Окончание. Начало в № 8 за 2023 год.

продукты, и корову эту Николай довольно ловко доил сам. Хлеб и кое-какую снедь нам привозили из Лашнёва. Было у нас охотничье ружье, и Николай нашел для него отличное применение: выстрелом из дробовика он убивал сразу нескольких воробьев. Добычу ощипывали, варили в котелке, и у нас получалась вкусная похлебка с воробьиным мясом. В июне переселились в Лашнёво и мы с Николаем.

Зимой на занесенном снегом хуторе долгие зимние вечера мы коротали обычно за чтением журналов. Прибытие почты, за которой приходилось ездить на станцию Крынки, было всегда долгожданным событием. Теперь у нас зажигали уже не лучину, а вполне удобную керосиновую лампу. До поступления в школу я старался зимой вообще не выходить из дому, за что отец меня часто отчитывал.

Но вот зима на исходе. Солнце пригревает сильнее. Закапало с крыши. На полянке около ближней рощи появляются проталины. Какое это огромное удовольствие — пробраться на такую проталину и всей грудью вдыхать запах пробуждающейся земли! Постепенно окружающие поля освобождаются от снега. Забурлили, зазвенели ручейки на лужайках, и сердце замирает от этой чудесной музыки. Так хорошо, что хочется плакать от умиления, от какого-то необъяснимого восторга... Вот уже зацвела черемуха под окном, белой душистой пеной покрылись деревья в саду, вся в белом наряде стоит кудрявая дикая яблонька на краю ближней рощи. Началась пора, когда целые дни можно проводить в лесу и в поле, шлепать босиком по лужам, а утром ходить по росистой траве, разыскивать в лесу птичьи гнезда и наблюдать, как появляются там птенцы, отыскивать мед диких пчел, собирать ягоды и грибы.

Неповторима привольная пора детства на природе. Но это беззаботное время быстро миновало. В 1902 году меня определили в церковно-приходскую школу села Погостище, которая положила начало долгим последующим годам моего учения.

В начале 1904 года я заболел скарлатиной, а после нее — цингой. Это случилось оттого, что в зимнее время, уходя на целую неделю в школу, я брал с собою в торбочку хлеба, сала, печеной картошки и этим питался, ночуя в школьном общежитии. Такое сухоядение и закончилось цингой: все тело у меня покрылось красно-синими пятнами — я был уже на волосок от смерти.

Эта «болезнь дальних плаваний» была определена у меня далеко не сразу. Когда отец привез меня, больного, на станцию Крынки, чтобы дальше ехать на поезде в Витебск к врачу, я уже едва подавал признаки жизни. Начальник станции, высокий плотный немец Шмидт, славился умением заговаривать воду и лечить ею больных. Осмотрев меня, он вскоре вернулся с небольшой бутылочкой воды, которой мне дали попить и обрызгали лицо. Когда отец перенес меня в вагон подошедшего поезда, мне уже стало лучше: кровь, непрерывно шедшая носом третьи сутки, вдруг остановилась.

В Витебске молодой врач Якерсон, проживавший на Нижне-Петровской улице, около часа копался в толстых медицинских книгах и наконец объявил, что у меня цинга. Он прописал какие-то лекарства, в том числе гематоген, и рекомендовал кормить меня борщом из молодой крапивы.

Я выжил, но еще долго оставался слабым и учебу в начальной школе, несмотря на хорошие способности, закончил с большим трудом.

УЧЕНИЕ

Мое раннее развитие и грамотность в четырехлетнем возрасте никак не были использованы. В начальную школу

меня определили только в 1902 году, когда мне исполнилось восемь лет. В первый же день в церковно-приходской школе села Погостище я поразился тому, что некоторые ученики на переменках продолжали сидеть, как пришитые, на своих местах. Оказалось, что пришиты они в прямом смысле слова. Точнее, пришиты были тетрадки — к их спинам за то, что дети неаккуратно в них писали. Бедняги стыдились разгуливать в таком виде и предпочитали не выходить из-за парт. Молодая учительница Ольга Николаевна была очень строга со своими учениками.

Навсегда мне запомнилось, как трудно, со слезами заучивал я первую молитву, которая называлась «Молитвой перед учением», хотя была она не такой уж трудной и длинной. Помню ее до сих пор: «Преплагий Господи! Ниспошли нам благодать Духа Твоего Святого, дарствующего и укрепляющего душевные наши силы, дабы, внимая преподаваемому нам учению, возросли мы Тебе, нашему Создателю, на славу, родителям же нашим на утешение, Церкви и Отечеству на пользу». В дальнейшем, однако, заучивание молитв, тропарей, псалмов и катехизиса проходило у меня без всякого труда. Священную историю Ветхого Завета учительница задавала нам по полторы странички. Как-то раз я предложил учительнице к следующему уроку подготовить оставшиеся в учебнике четырнадцать страниц — и слово свое сдержал. Надо сказать, слишком много было тогда ненужной механической зубрежки.

В этой школе я пробыл недолго. Вскоре отец устроил мне перевод в латышскую (с обучением на русском языке) церковно-приходскую школу. Она находилась в том же селе Погостище и размещалась в новом здании. Латыши построили его за счет своих общественных средств. Впоследствии, в 1965 году, по поводу 60-летия окончания мною этой школы, я посетил погостищенскую восьмилетнюю школу и застал это же деревянное здание в отличном состоянии, как будто и не прошло шестьдесят два года — настолько это строительство было произведено добросовестно и умело.

Учитель, латыш Яков Иванович Бирнбаум, был не только неплохим педагогом, но и оказывал кое-какую медицинскую помощь местному населению.

Я уже рассказывал, как тяжело заболел цингой и еле-еле вернулся к жизни. Совсем еще слабым я держал выпускной экзамен в этой школе и отвечал на вопросы еле слышным, дрожащим голосом, хотя все предметы знал хорошо. К тому же на экзаменах присутствовал земский начальник г-н Календо, и хотя он был очень ласков с экзаменующимися, его мундир с блестящими пуговицами производил на меня устрашающее впечатление.

После окончания школы я один год пропустил — вероятно, родители решили, что мне надо окрепнуть и набраться сил. Осенью 1906 года я был зачислен в Витебское четырехклассное городское училище с шестилетним сроком обучения. В первом и втором классах было по два отделения, меня определили в первый класс, во второе отделение, тогда как могли принять в первое отделение второго класса.

Учеба в Витебске разлучила меня с семьей, с родными рощами, лугами и лесами. Мне было всего двенадцать лет, и эту разлуку я переживал очень тяжело, особенно в весеннюю пору. При воспоминании о родном приволье меня одолевала невыносимая тоска.

В первый год я квартировал у своего двоюродного брата на улице Гончарной. По счастью, недалеко от моей квартиры, за Двиной, в районе Могилевского базара, находилась библиотека Общества попечительства о народной трезвости. Ею можно было пользоваться бесплатно. В этой библиотеке я и проводил все свое свободное время. Никакой системы в моем чтении не было.

Ирина ЗАХАРОВА

ДУШЕ МОЕЙ ПО НРАВУ ТИШИНА...

* * *

Напойте мне, сосны кудлатые,
Песню свою колыбельную
И небо раскрасьте над хатами
В теплую грусть акварельную.

Шепните мне маминым голосом
Слово радужное в сумерках
И падайте в звездные крокусы,
В топи хмельного багульника.

Утешьте меня, сиротливого,
Мягким грудным придыханием
И выйдите в ночь черногривую
В ласковом лунном сиянии.

Коснитесь ладонью сосновою
Глаз моих, тьмой затуманенных,
Что ищут тропой поселковою
Руки, подобные маминым...

ТВОЙ СОН

Послушай мое сердце на заре
В тягучем монотонном полумраке,
Когда еще не слышно снегирей
И снег не шелестит при каждом шаге.

Как в утреннем плену у января
Волнуются поземкою дороги.
И звезды, поднимая якоря,
Срываются с причалов одиноких.

Анатолий ШПАРТОВ

НЕТ ПАМЯТИ О ПРЕЖНЕМ

Рассказ

1

Самолет пошел на посадку. Команда пристегнуть ремни и поднять спинки кресел прозвучала, как обычно, неразборчиво, но мигающий знак ремня безопасности на верхней панели убедил Дениса закрыть книгу и положить ее в сумку. Знакомая стюардесса расслабленной, вихляющей походкой прошла мимо, лукаво улыбнувшись. «Стерва», — подумал он, ответив дежурной улыбкой.

В аэропорту Франкфурта-на-Майне его встречал Сергей — старый приятель по университету. Выйдя из полумрака здания аэропорта на улицу, Денис непроизвольно зажмурился: не по-осеннему яркое октябрьское солнце, видимо, решило отдать последние долги, но солнцезащитные очки надевать не стал, опасаясь, что Серега его не узнает. Шутка ли — десять лет, а может, все двенадцать по заграницам таскались. На себя смотришь каждый день, и кажется, что ты не сильно меняешься с годами, а встретишь знакомого, с которым не виделись много лет, и диву даешься коварству равнодушного времени. Наверняка и другие видят эти, уже заметные следы разрушения — словно время по тебе протащило жесткий плуг. Денис отошел в сторону от выхода и осмотрелся. Через дорогу на островке тротуара, на котором торчали желтые флагштоки, виднелись крытые автобусные остановки. Сергей должен был подъехать туда на своем сером «Гольфе», но пока внимание Дениса привлекла стройная и уже немолодая брюнетка — сработал инстинкт охотника. Ее обнаженные загорелые плечи прикрывало фиолетовое меховое боа, массивное кольцо утопало в глубоком декольте короткого коктейльного платья баклажанного цвета. Она явно была чем-то озадачена. Денис направился к брюнетке, желая рассмотреть ее поближе скорее из любопытства, чем из желания познакомиться. В эту минуту он услышал короткий сигнал: рядом с автобусной остановкой стоял серый «гольф».

— Настоящим бургером заделался! — пошутил Денис, хлопнув слегка ладонью по округлившемуся животу друга.

— Что ж ты хочешь? — подыграл ему тот. — Семейная жизнь расслабляет.

Руслан ПИВОВАРОВ

ОЩУЩЕНИЕ ЧУДА...

ПЕВЕЦ ОСЕНИ

Ветер прохладный на клене продрогшем
ветви качает и сипло поет.

Лист опадающий осени грошем
за беспокойство предложен в расчет.

Песня не складна, со скрипом древесным,
только не хочет певец умолкать.

Будто с эстрады, под сводом небесным
ветер все силится выть и свистать.

Он призывает и сосны, и клены
песню осеннюю в такт подхватить.

Но получают жалкие стоны...
Кто же сумеет тот хор оценить?

Осень! Она лишь концертом довольна.

Это — ее специальный заказ!

Видно, красавица в жанрах фривольна:
вальс не сложился, пожалуйста — джаз.

Чтоб ни насвистывал ветер синьоре,
все ей по нраву. Не станет роптать.

Знает, что ветер уволится вскоре,
пением зиму начнет ублажать.

ДУША

Душе давно я света не дарил...

Давно ее причастьем не лелеял...

Давно молитв душе не возносил
и для нее благого не содеял.

Давно душа вкушает черствый хлеб
моих обид и зла на мир подлунный.
Огнем живым к нужде чужих судёб
уж не горит с тех пор, как я был юным.

Не звал ее: «Мой добрый, верный друг»,
да так давно, что впору стать врагами.
Не вспоминал, мне было недосуг,
скупым на чувства становясь с годами.

Сказать бы ей: «Прости, душа моя,
за то, что я тебя в темнице прятал!
Я был глупцом. Живу теперь скорбя,
что за тебя грехи свои сосватал».

Мне б отпустить ее на белый свет
и вместе с ней у счастья поселиться...
А вдруг она устало скажет: «Нет!» —
и раненою птицей затаится?..

НА ЗАКАТЕ

Я рукой дотянусь до заката,
Где пурпуром горят облака,
Где над кронами солнце распято,
Красным заревом плача слегка.

Я глазами коснусь небосвода,
Утопая в его глубине.
И проснется в сознание свобода,
Что Всевышним дарована мне.

Я прохладу вечернюю жадно
У реки полной грудью вдохну,
Как же будет тепло и отрадно
Ощущать наслажденья волну.

Вечер мне подмигнет на прощанье
Угасающей в небе зарей.
И вот-вот состоится свиданье
Наступающей ночи со мной.

«Главная тайна — Жизнь Души»

Интервью с Татьяной Шамякиной

Быть сыном или дочерью известного человека всегда непросто. Сложно выйти из тени знаменитости, стать самостоятельной величиной, доказать свою человеческую и профессиональную состоятельность. Татьяне Шамякиной это удалось. Она не только дочь отечественного классика Ивана Шамякина, а профессор кафедры теоретического и славянского литературоведения БГУ, доктор филологических наук, писатель и мемуарист. А еще — по своей природе настоящий просветитель, человек, для которого и сегодня главным богатством остаются знания, образование, книги. Накануне красивой даты — 8 октября Татьяне Ивановне исполнится 75 лет — беседем с ней о ее семье, литературе, людях и судьбе цивилизации.

Татьяна Ивановна Шамякина

ФАМИЛИЯ ОБЯЗЫВАЕТ

— Татьяна Ивановна, вам повезло родиться в семье народного писателя Беларуси. Считаете ли вы этот факт определяющим для своей судьбы? Помогала ли фамилия вам в жизни?

— Безусловно, это и везение, и судьба, и факт, определивший дальнейшую жизнь. Возможно, в каких-то случаях фамилия помогала, в каких-то —

наоборот, создавала некоторые проблемы. Творчество Ивана Шамякина многие читатели искренне любили. Несколько поколений врачей помнят роман «Сердце на ладони», зодчие — «Атланты и кариатиды», черныбыльцы — «Злую звезду». Но не могу сказать, что все коллеги относились к отцу с восхищением — по разным причинам. В том числе и просто из зависти, очень распространенной в творческой среде «болезни». Как дочь Ивана Шамякина я не очень-то рассчитывала на симпатии к себе всех и каждого. Это определяло линию поведения. Чтобы не говорили, мол, «ей все дается по благу», старалась учиться на «отлично». Самостоятельно разработала и читала на филфаке БГУ, пожалуй, больше дисциплин, чем кто-либо другой. Всегда предпочитала заниматься своим делом, держаться в тени, а не сидеть в президиумах и светиться по телевизору. На уговоры выступить поддавалась только в тех случаях, если нужно было говорить об отце. На школьников, студентов моя фамилия, наверное, действовала, вызывая интерес. А вообще не стоит думать, что я прошла по жизни легко, триумфально. Узнала тревоги и огорчения, недуги и потерю родных, собственные болезни. Но детство и юность были счастливые, радостные, осмысленные. Это озаряло все последующее бытие.

— Иван Петрович и Мария Филатовна были строгими родителями? В чем заключаются их главные уроки, усвоенные вами?

— И отец, и мама отличались исключительно мягким характером, добротой. Родители заботились о духовном становлении нас, четверых своих детей: покупали много книг, читали нам, много возили и по Беларуси, и в другие республики СССР. Родителей волновало согласие в семье. Относились к нам одинаково, но все же нюансы были. Мама очень жалела старшую дочь Лину, оберегала ее. В годы оккупации мама и Лина много всего пережили, болели тифом. Благодарна старшей сестре за то, что приучила меня собирать издания

Татьяна Шамякина с мужем, родителями и сестрой Алесей (конец 1960-х)

по искусству. Очень дружили мы с братом Сашей. Человек он был замечательный, многое умел. Как гидрогеолог участвовал в проектировании Минского метро. Из нас четверых Саша был, пожалуй, наиболее эмоциональный. С младшей сестрой Алесей у меня разница в 12 лет, но профессионально мы близки как филологи-белорусисты. И отец, и мама всемерно поощряли наши духовные запросы. В этом плане в семье царил свобода. Конечно, имели место и некоторые табу, существовали правила общежития, но складывались они естественно и не подавляли. Главный преподанный мне урок — собственный пример жизни родителей, великих тружеников. Их взаимная любовь, исключительно внимательное отношение к людям. Отец говорил, например, что главные в стране — крестьяне, кормильцы всех остальных, а творческая интеллигенция должна украшать, вносить радость в их будни.

— В истории каждой семьи обычно есть свои занимательные персонажи и интересные сюжеты. Могли бы рассказать что-то о своих предках такое, что вам самой представляется интересным?

— Моя мама, Мария Филатовна Кротова, происходила из древнего староверского рода. В XVII веке староверы, спасаясь от репрессий после реформ патриарха Никона на границе Московии и Великого княжества Литовского, заселили относительно безопасную для них юго-западную территорию Беларуси вокруг Ветки. Семья матери до коллективизации была очень зажиточной, владела обширными земельными наделами и лучшим в округе садом. Землю у них большевики отобрали, но не выслали, так как семья трудилась без батраков. Мой дедушка по маме, Филат Азарович Кротов, никогда в колхоз не вступал, а трудился в правлении железной дороги. Случилось так, что у него умерла жена Улита и тогда же, в 1932 году, его самого осудили за утрату важного документа. Без отца и матери остались шестеро детей, и пришлось им, бедным, ох как несладко. Но они выдюжили. А дальше произошла мистическая история. Тете Оле (старшей в семье Кротовых, фактически заменившей сестрам и брату мать) в 1938 году приснилась Улита, которая указала место, где находится утерянная бумага. И хотя до этого там уже не единожды все обыскали, но вот на этот раз наконец-то нашли. Тетя, работавшая на почте, человек грамотный и решительный, отправила документ и сопроводительное письмо «всесоюзному старосте» Михаилу Калинину. И случилось чудо — через неделю оправданный Филат Азарович вернулся домой!

— Интересно, традиции староверов как-то отразились на формировании вашей мамы с учетом того, что она росла в советское атеистическое время?

— Мама училась в обычной советской школе, потом — в медицинском училище, была примерной пионеркой и комсомолкой, но традиции семьи, безусловно, сказались на ее личности. Одна из главных традиций — уважение к образованности. В семье сохранялось много старинных и, видимо, исключительно ценных книг. К сожалению, во время оккупации почти все они погибли. Мама, как и ее старшие четыре сестры, была верующей, отмечала все религиозные праздники, соблюдала религиозные обряды, но ходить в церковь в 1950—1960-е годы, вешать иконы в городской квартире, учитывая статус мужа, опасалась. А вот в избе ее тети стены сплошь были увешаны иконами. Моя же тетя, обучая меня крестить подушку перед сном, просила не говорить об этом

папе. Но отец все прекрасно знал и никогда не осуждал, не высказывал недовольства, не проявлял неуважения. Будучи коммунистом, он ничего не имел против посещения церквей: считал, что красота храмов только на пользу эстетическому воспитанию. Родных жены отец безмерно уважал за то, что много трудились и жили по совести. Это и есть настоящая религиозность. Совесть — важнейшее понятие христианства. Староверские гены мамы, думаю, давали о себе знать. Она отличалась аскетизмом, не любила нарядов (хотя, появляясь на людях с известным мужем, старалась соответствовать), никогда не пользовалась косметикой, не носила украшений (хотя папа их дарил), не терпела спиртного, никогда не танцевала. Отец из солидарности с ней тоже не танцевал.

— **Вы унаследовали такое отношение к одежде и украшениям?**

— Практически не ношу украшений, равнодушна к нарядам и если уступаю в этих вопросах, то только под давлением дочерей. Дочери в некоторых вопросах тоже аскетичны, но одеваются модно и украшения любят. В шутку я объясняю это тюркскими генами своего покойного мужа.

— **Ваши дочери — Мария и Славяна — первоначально были на фамилии отца — Кудряшovy, а потом стали Шамякиными. Чье это было решение?**

— Как-то мой отец высказал пожелание, чтобы кто-то из внуков стал его наследником в профессии и писал под его фамилией. Мария начала печататься еще при его жизни, и папа очень радовался, читая ее стихи, фантастические рассказы, повести, убеждаясь, что она действительно талантлива. Славяна, которая на пять лет младше сестры, всегда росла в лоне семьи Шамякиных.

Иван Шамякин, Татьяна Шамякина с дочерьми Машей и Славяной, 1986 г.

Дмитрий РАДИОНЧИК

Вкус и цвет

Рецензия на книгу Анатолия Апанасевича «Красные фразы»

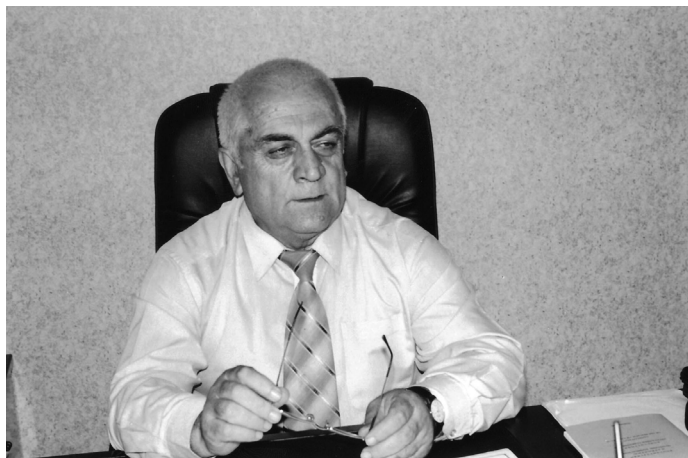
Итак, мы берем в руки новую книгу. Событие ли это в нашей жизни? Благословясь, подумаем вместе. Попробуем не только прислушаться к тихому шелесту страниц, присмотреться к содержанию, распознать себя на его фоне. Книга писателя из Гродно Анатолия Апанасевича «Красные фразы», вышедшая в издательстве «ЮрСаПринт», настраивает нас на серьезный лад, на философский разговор и даже более того — на труд праведный, труд духовный. Ибо, как гласит изречение одного из классиков, «душа обязана трудиться». А чтение художественной литературы этот самый труд представляет. И дает нашей душе возможность соблюсти данное обязательство, выполнить этой тонкой материи ее трудовую повинность. Тем более что в отношении к труду автор выражает свою принципиальную бескомпромиссность: *«Упорный труд — это нормальное поведение*

человека». А на тему души наш современник и земляк невольно вторит классику: *«Упадок души начинается с ее праздного состояния»*.

Избранная писателем для диалога с миром форма афоризма заслуживает особого внимания. Благодаря своим особенностям. Во-первых, это лаконичность жанра и (как следствие) его современность. Окружающий мир изменяется с умопомрачительной скоростью. Динамике метаморфоз покорно соответствует так называемая клиповая модель сознания «нового» человека. Когда на чтение книг отводится немногим более времени, чем на чистку зубов, короткое, легковесное по форме и емкое по содержанию философское высказывание вписывается в современную картину мира весьма органично. Напитанный духом времени афоризм играет роль связующего звена в неоднозначном, порой болезненном процессе совпадения символического пазла «человек — мир». Вопреки нарочитой злободневности, в противовес жесткой сцепке с днем сегодняшним, афоризм не может не бытовать с оглядкой на глубокую старину, на богатейшее наследие из тысячелетних классических традиций. И так устремляется в будущее.

Алесь Карлюкевич

Низкий белорусский поклон Ато Хамдаму

75 лет — возраст для творческого человека исключительно продуктивный. За плечами богатый жизненный, профессиональный опыт. В творческом багаже — множество нереализованных тем, невысказанных художественных идей. 75 лет встречает народный писатель Таджикистана, член Союза писателей Беларуси Ато Хамдам. Большое

событие не только для самого глубокоуважаемого Ато, не только для его семьи и всех, кто почитает его творчество, кто с интересом открывает страницы его книг, с большим удовольствием идет в театр на спектакли, поставленные по его пьесам. Это большое событие — и для нас, белорусов, белорусских литераторов.

Хотя и знает Ато Хамдам наш синеокий край давным-давно, знает по адресам героической памяти, по Хатыни и Брестской крепости, особыми в его дружбе с Беларусью являются последние полтора десятилетия. Человек неумной энергии, яркий организатор множества примечательных инициатив издательского, просветительского характера, он не случайно является членом Союза писателей Беларуси. Таджикский писатель — настоящий полномочный представитель белорусской литературы в далеком от Беларуси Таджикистане. Познакомившись со многими белорусскими поэтами и прозаиками в Минске во время одной из Минских международных книжных выставок-ярмарок, укрепив эту дружбу во время очередного Дня белорусской письменности, Ато Хамдам начал настойчиво, вовлекая в процесс дружбы своих коллег, пропагандировать творчество авторов из Беларуси в Таджикистане. Так одна за другой вышли в Душанбе книги народного писателя Беларуси Николая Чергинца, лауреатов Государственной премии Республики Беларусь Георгия Марчука, Миколы Метлицкого, поэтов и прозаиков Сергея Трахименка, Ирины Кочетковой, Алеся Бадака, Юрия Сапожкова... Произведения множества белорусских художников слова появились в последние годы на страницах таджикских литературно-художественных периодических изданий. Благодаря стараниям Ато Хамдама как издателя, переводчика, организатора белорусско-таджикских литературных связей, как составителя с таджикской стороны — в Душанбе

издана и антология современной белорусской литературы на таджикском языке — «Вечерний костер». Презентация этой книги с участием Ато Хамдама прошла и в Минске в Доме дружбы, что расположен по улице Захарова.

И в Беларусь за минувшие годы, благодаря настойчивой организационной работе Ато Хамдама, приезжали таджикские публицисты, переводчики, поэты. Гостем Минска был поэт и переводчик Салим Зарафшонар, который перевел и издал книгу стихотворений классика белорусской литературы Максима Богдановича на таджикском языке. Это издание — первая книга легендарного поэта на языке гордых сыновей Памира...

В Минске в свою очередь были изданы книги Ато Хамдама на белорусском языке. Одна из них — «Подвиг Эмамоли Рахмона», написанная в соавторстве с уроженцем Беларуси Леонидом Чигриным, который долгие годы прожил в Таджикистане. Об этой интересной художественно-документальной работе, посвященной политическому лидеру Таджикистана, писала белорусская пресса, книга присутствует во всех ведущих библиотеках Беларуси. Перевод на белорусский язык осуществила Ирина Кочеткова. А читатели белорусского литературно-художественного журнала «Полымя» открыли для себя на белорусском языке пьесу Ато Хамдама «Поздний звонок». Переводчиком снова выступила Ирина Кочеткова.

...Когда Ато Хамдам бывает в Минске, он непременно навещает одну из улиц белорусской столицы — улицу, которая носит имя воина-таджика Дамулы Азизова. Об этом солдате, освобождавшем Беларусь от немецко-фашистских захватчиков, написал стихотворение народный поэт Таджикистана Низом Косим. Стихотворение опубликовано и в Беларуси в переводе на язык Янки Купалы и Якуба Коласа. Дамула Азизов героически погиб в боях на Лоевском плацдарме 24 октября 1943 года. Похоронен в братской могиле в деревне Новая Борщевка Лоевского района Гомельской области. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 года Д. Азизову присвоено звание Героя Советского Союза.

...Выступая на одном из Международных круглых столов «Художественный текст как средство общения народов» еще в сентябре 2009 года Ато Хамдам отметил целый ряд проблем, которые мешают сближению национальных литератур постсоветских стран. Вот что, в частности, сказал тогда писатель: «... Мы пишем для самих себя, не имея возможности познакомиться со своими новинками друзей в других странах СНГ, а они, в свою очередь, хотели бы порадовать нас своими творческими достижениями. Настало, наверное, время создать общий Координационный центр, который получал бы сведения о книгах, изданных в России, Беларуси, Казахстане, Таджикистане и других республиках по тематикам, и рассылал бы сообщения о них по тем же республикам. Тогда мы знали бы обо всех художественных новинках, и наши издатели могли бы определять стратегию и тактику своих действий...» Та работа, которую проводит лично Ато Хамдам, та работа, в которую он вовлекает таджикских переводчиков, та работа, которую с Ато Хамдамом разделяют увлеченные коллеги по литературному цеху, — и есть ответ на тревоги по поводу разъединения. Благодаря такой самоотверженности, высокому духу дружбы и интернационализма, невзирая ни на какие барьеры, и развивается белорусско-таджикская литературная дружба. И за это низкий поклон народному писателю Таджикистана Ато Хамдаму!

ЛЕЙКО Татьяна Александровна. Родилась в 1949 году в городе Свердловске (ныне Екатеринбург, Россия). С 1967 года живет в Беларуси. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Автор ряда сборников стихов и многочисленных публикаций в СМИ. Поэт, переводчик. Лауреат Республиканского литературного конкурса «Залаты купідон». Живет в Минске.

КОМАРОВСКИЙ Алесь Адамович. Родился в 1947 году в деревне Миколаевщина Столбцовского района Минской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, прозаик. Автор книг «Пачатак», «Зямля маіх надзей», «Валошкі памяці», «Азбука жыцця» и др. Живет в Минске.

ПОЛЕЕС Елизавета Давыдовна. Родилась в 1947 году в Могилеве. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик. Автор нескольких поэтических сборников. Живет в Минске.

ЧИЖЕВСКАЯ Елена Антоновна. Родилась в 1953 году в Минске. Окончила Минский государственный педагогический институт имени А. М. Горького. Публицист, прозаик, переводчик. В серии «ЖЗЛ» в ее переводе вышли книги «Стендаль», «Жан-Жак Руссо», «Гарсия Лорка». Живет в Минске.

ЗАХАРОВА Ирина Олеговна. Родилась в 1983 году в Минске. Окончила агромеханический факультет Белорусского государственного аграрного технического университета. Лауреат республиканских и международных литературных конкурсов. Пишет стихи, прозу, рассказы для детей. Живет в Минске.

ШПАРТОВ Анатолий Алексеевич. Родился в 1959 году в Ленинграде. Окончил театральный факультет Белорусской государственной академии искусств по специальности режиссура кино и телевидения. Автор сценариев и режиссер ряда документальных телефильмов. Публиковался в периодических изданиях и коллективных сборниках Беларуси. Живет в Минске.

ПИВОВАРОВ Руслан Анатольевич. Родился в 1972 году в городе Новомосковске Днепропетровской области (Украина). Автор пяти сборников стихов, многочисленных публикаций в СМИ и коллективных сборниках. Лауреат республиканских и международных литературных конкурсов. Живет в Лиде Гродненской области.